Алексей БРУСНИЦЫН
За горизонтом событий
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Приключения Буратино

Алексей Брусницын

За горизонтом событий

«Автор»

2023

Брусницын А.

За горизонтом событий / А. Брусницын — «Автор», 2023 — (Приключения Буратино)

Заключительная книга тетралогии "Приключения Буратино".Как и предыдущие части является повествованием самостоятельным. Но в то же время воспринимается лучше, если читатель знаком с предисторией главного героя, каковым является самообучающийся искусственный интеллект.На этот раз Буратино оказывается в относительно отдаленном будущем и абсолютно дальнем космосе. Параллельный сюжет происходит непосредственно в наше неспокойное время.

© Брусницын А., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Предисловие к черновику. 5
Часть I. Глава 1. 6
Глава 2. 8
Глава 3. 13
Глава 4. 18
Глава 5. 23
Глава 6. 25
Глава 7. 28
Глава 8. 31
Ча 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Алексей Брусницын
За горизонтом событий

Предисловие к черновику.

Друзья!

Обращаю ваше внимание на то, что предлагаемый черновик, действительно, является черновиком. Он не будет откорректирован и отредактирован до самого момента его завершения. Главы в нем могут и будут меняться, может быть, даже местами. Так что читать его до готовности не советую. А вот купить можете, если хотите сэкономить в будущем – готовая книга будет дороже примерно в три раза.

Предыдущая практика выкладывания черновиков в надежде на обратную связь с читателями себя не оправдала. На этот раз делаю это исключительно ради самодисциплины – этот формат обязывает меня выкладывать по главе в неделю. Но если у кого-то вдруг появятся замечания в ходе прочтения черновика, прошу не стесняться и отображать их в отзывах.

Автор.

Часть I. Глава 1.

Никогда не здоровайтесь с вахтерами и охранниками. Даже если вы полагаете себя настолько важным авторитетом для бедолаги за стойкой, что ваш кивок и лучезарная улыбка немедленно осчастливят его, а изречение, благословляющее время суток, в которое происходит ваша мимолётная встреча, вселит в него надежду на лучшее. Воздержитесь. Просто пройдите мимо. Он будет вам благодарен за это гораздо больше, чем за самое галантное приветствие. Ведь, возможно, именно в данный момент он занят вовсе не тем, что разгадывает кроссворд или судоку, а наоборот, пишет гениальное художественное произведение в стихах или прозе, а то и фундаментальный философский трактат призванный кардинально изменить вектор развития человечества.

– Шалом! – торжественно произнёс господин, худощавый и лысый, минуя пост охраны в вестибюле торгово-развлекательного центра «Панорама» на окраине Тель-Авива.

– Шалом, мля, – рассеянно ответил дежурный секьюрити. Слово «шалом», означающее на иврите «мир», он произнёс громко, а второе даже не слово, а скорее междометие, означающее в данном случае досаду и раздражение – гораздо тише.

Досадовал же и раздражался он потому, что в очередной раз его отвлекли от создания фантастического романа о самом дальнем космосе. Проводя миролюбивого господина ненавидящим взглядом, он ещё раз перечитал злосчастный текст на мониторе ноутбука.

– И куда нам теперь? – в растерянности пролепетал рулевой.

– Может быть, до следующей Вселенной? – предположил старший помощник и посмотрел на штурмана.

Тот поднял плечи и развёл руки.

– А по каким картам пойдём, я вас спрашиваю? У вас есть карта, как до неё добираться?

– А вы уверены, что она вообще есть, другая Вселенная? – поинтересовалась судовой врач.

– Обязательно должна быть, – горячо заговорил второй помощник. – Сами посудите. Космос бесконечен. Так? Так. Значит, и вселенных в нём как минимум бессчётное множество…

– Да ни хрена это не значит! – зарычал боцман, мужчина прямой и вспыльчивый.

– А как же теория мультивселенной? – второй помощник вступил в дискуссию, не замечая хамства со стороны подчинённого. – Почему в бесконечном пространстве должен быть только один большой взрыв?

– Да идите вы… со своей теорией, – снова нарушил субординацию боцман, – тут практика нужна.

– Вот и я говорю, покажите мне карту, – ободрённый поддержкой подхватил штурман. – По карте я маршрут в момент проложу.

– А я бы вообще помолчал на вашем месте! – одёрнул его старший помощник. – Это по вашей милости мы здесь оказались.

Штурман снова развёл руками и виновато потупился.

Члены экипажа, собравшиеся в кают-компании, обратили взоры к капитану, который не произнёс ни слова после того, как объявил страшную новость, которая заключалась в том, что космический колониальный транспорт «Луч надежды» из-за провороненного штурманом сбоя навигационной аппаратуры пролетел сквозь всю Вселенную и вылетел из неё, как пробка из бутылки.

Капитан угрюмо молчал.

– А что если, пока мы летим, наша вселенная начала сворачиваться, и время в ней потекло вспять? – снова затараторил второй помощник. – получается, нам надо искать вселенную, которая всё ещё расширяется, и время в ней течёт в нормальном направлении. Потому что я, например, абсолютно не представляю, как жить наоборот…

Старший помощник жестом остановил уже открывшего было рот боцмана, потом обратился к теоретику:

– Я бы посоветовал не слишком увлекаться. Вам прекрасно известно, что ресурс корабля небезграничен, и в условиях абсолютного вакуума возобновлён быть не может.

Второй помощник страшно удивился и обиделся – ведь всё что он говорил, было в поддержку идеи, высказанной старпомом в ответ на вопрос рулевого.

– И слова больше не скажу. Сами решайте.

Все снова посмотрели на капитана.

– Буду с вами откровенен, господа, – наконец выдавил из себя тот, – примерно миллиард лет назад мы пересекли точку невозврата. Но корабль мы в любом случае развернём, а потом будем думать о том, как дотянуть до дома.

Творческий мученик добавил пару запятых, а одну убрал. Потом поколебался немного и поставил её на место. Он уже, наверное, в двадцатый раз возвращался к этой сюжетной завязке и никак не мог сдвинуть её с мёртвой точки.

Далее по задумке автора предполагалось, что бортовой ИИ космического транспорта «Луч надежды», оценив ситуацию и придя к выводу, что по-другому человечество не спасти, начинает поглощать пассажиров, а затем и экипаж и перерабатывать в топливо, чтобы долететь до ближайшей планеты с приемлемыми для колонизации условиями. То есть безобидное и лёгкое повествование должно было перерасти в психологический хоррор, однако пара важных деталей никак не срастались.

Самая глобальная загвоздка заключалась в том, что, если корабль летит со скоростью близкой к скорости света, то конца Вселенной он никогда не достигнет, поскольку, как это недавно выяснил автор, и, оказывается, широко известно всем мало-мальски интересующимся космосом, она расширяется со скоростью большей, чем скорость света. Даже если сделать сказочное допущение, что это возможно, то как тогда можно было оказаться такими ротозеями, чтобы проморгать момент вылета за пределы Вселенной? Допустим, сканер корабля, нащупывающий подходящие для жизни миры, был настроен так, чтобы выводить из гибернации бортовой компьютер только при приближении к таковым мирам, но за миллиарды лет путешествия, ни одной потенциальной колыбели для новой цивилизации так и не обнаружилось, и корабль пролетел дальше. Но учёные и конструкторы трансгалактического судна обязаны были предусмотреть такой вариант развития событий…

Однако эпический эпизод с вылетом корабля за пределы материального мира подобно бутылочной пробке было жалко – такого ещё не было. Это был бы двойной рекорд Гиннесса в фантастической литературе: по удалённости места действия как в пространстве, так и во времени. Можно было бы преподнести историю, как некий анекдот или притчу, но получалась тогда фантастика антинаучная, а таким образом он не хотел дебютировать как литератор, потому что не знал особенно успешных примеров книг в этом жанре. Ворваться в большую литературу хотелось, что называется, с низкого старта, так, чтобы прямо с первого романа попасть в число если не знаменитых, то хотя бы известных авторов.

Глава 2.

Может, потому что фамилия его начиналась с отрицательной частицы «не», к своим сорока с куцым хвостиком годам Александр Невструев ещё не успел смириться с тем, что всю жизнь будет неудачником. Несмотря на все предпосылки, коих было предостаточно. Для него всё ещё были актуальны рассуждения на тему: «Ну не может же так случиться, что у меня никогда не будет ни спорткара, ни яхты, ни пентхауса у Сентрал Парка, ни виллы с бассейном на берегу Средиземного моря». То, что в столь почтенном возрасте он оказался рядовым охранником в торговом центре, Александр расценивал вовсе не как катастрофу, а как переход на новый уровень развития, как возможность, наконец, стать писателем.

Когда Саше было четырнадцать, он за три дня проглотил «Мастера и Маргариту». Прочитав последние слова романа, он какое-то время посидел в оцепенении. Потом закрыл книгу, выключил свет и подошёл к окну. Была зима и поздний вечер. В совершенно чёрном небе сияли звезды. Мальчик смотрел на них долго, пока они не расплылись в его повлажневших от умиления глазах. «Господи, как же здорово!» – подумал он и рассмеялся негромко. Потом смахнул слёзы и навсегда захотел писать добрые и мудрые книги.

После этого Александр долго ещё даже не пытался ничего писать, понимая, что сначала необходимо познать жизнь и понять людей. Вдохновлённый примерами Михаила Афанасьевича и Антон Палыча, которого тоже очень любил, Саша решил получить медицинское образование. Кроме того, он захотел узнать, как изнутри устроен основной предмет его интереса – Homo Sapiens, какова физиология человеческого мышления. К тому же медицинская специальность подразумевала постоянное общение с самыми разными людьми и, как следствие, максимально быстрое пополнение багажа жизненного опыта.

Александр прилежно учился, потом также работал. На двери его кабинета в психоневрологическом диспансере крупного областного города много лет латунно блестела табличка «Зав. отделением А.Н. Невструев». Но он не отдавал медицине всю душу. Наблюдал за собой как будто со стороны. Наконец осторожно начал переносить свои наблюдения в тексты.

К сорока годам у Невструева накопилось рассказов на два тоненьких сборника: один обычной прозы, другой – фантастической. Он издал их на бумаге за свой счёт и выложил в электронном виде на продажу в Интернете. Его даже приняли в местный союз писателей. Кроме того, появился очень скромный, но постоянный дополнительный доход, который он тратил на то, чтобы сводить жену в ресторан раз в месяц. В эти дни он ощущал себя настоящим писателем, даже если приходилось доплачивать за счёт из официальной зарплаты. Всё остальное время он мечтал о том, как напишет некую «большою книгу», которая прославит его и сделает финансово независимым; короткие истории издательства не интересовали, им нужны были целостные произведения объёмом не меньше восьми авторских листов. Да и в Интернете повести, а тем более романы продавались гораздо лучше новелл.

Александр уже давно чувствовал себя готовым к написанию чего-то грандиозного, и лишь работа, не тяжёлая, но всё равно поглощающая творческую энергию, была преградой. После дня, проведённого психиатрической лечебнице, писать абсолютно не хотелось. Рутинные обходы, процедуры, заполнение бесконечных бланков от руки и в компьютере, общение с неадекватными пациентами и часто такими же коллегами, не оставляли места полёту фантазии ни во время рабочего дня, ни после его окончания. После работы душевных сил хватало только на то, чтобы завалиться на диван и посмотреть какое-нибудь кино или развлекательное видео. Последние несколько лет он уже даже не читал книг; иногда слушал их в аудиоформате по дороге на работу или с работы. Выходные тоже были довольно однообразными: в пятницу – посиделки с друзьями, сопровождаемые обильными возлияниями, в субботу – борьба с алкогольной интоксикацией. Для работы над текстами оставалось лишь воскресенье. Романы так

не пишутся… Но работу он бросить не мог по вполне очевидным материальным причинам. Невструев чувствовал, что драгоценное время бездарно уходит – в конце концов это стало его экзистенциальной трагедией.

И тут сама жизнь подсказала ему выход из замкнутого круга.

Первым обстоятельством явилось то, что девичья фамилия его тёщи была Коган, что означало принадлежность её рода к самому привилегированным колену еврейского народа. Жена Невструева Анна рассказала ему об этом на втором году семейной жизни и предложила уехать в Израиль. Тогда Александр перспектив такого поступка не увидел и с негодованием отказался.

Жена оставила этот разговор на долгие десять лет, чтобы вернуться к нему с началом спецоперации в феврале двадцать второго года, которая и стала вторым обстоятельством, подвигшим чету Невструевых к иммиграции.

– Ты же не хочешь, чтобы тебя забрали воевать в Украину?

– Не в Украину, а на Украину. Да кому я нужен, Ань? Я уже старый, – не очень уверенно возразил Невструев.

– Прежде всего ты лейтенант медицинской службы в запасе. И не такой уж старый.

Он был старше супруги на восемь лет. Когда они познакомились в 2010 году, Ольга была студенткой-третьекурсницей, а Александр уже окончил институт и два года работал доктором.

– Ну и схожу если что. Мне ж не с автоматом бегать. Денег заодно заработаю, там неплохо платят, – ответил он.

– Солдат удачи, – насмешливо произнесла жена. – Ты ещё скажи страну и господина президента в его благих начинаниях поддержать хочешь.

– В этом конце концов мой долг, как бюджетника.

– А почему в этой ситуации нужно кого-то поддерживать? Вот представь себе близкую для тебя ситуацию. Отделение это твоё для пограничных состояний. Подрались два пациента. Санитар должен их разнять или встать на сторону того, к кому он по генетике ближе? И потом. Никогда, никто за всю историю человечества не был прав, когда нападал первым. Даже в уголовном праве, тот, кто первый ударил, тот и не прав.

Он улыбнулся её остроумию.

– Ты слишком всё упрощаешь…

Тогда жена использовала аргумент, который сразил его наповал:

– Но в Израиле ты сможешь наконец написать свою первую большую книгу. Полгода мы будем получать деньги от государства. Всё это время ты сможешь не работать и спокойно писать.

Или из-за войны процедура репатриации упростилась, или сказалась принадлежность предков Анны к элите еврейского народа, но уехать им удалось очень быстро.

По приезде оба получили израильское гражданство. Однако планам на творческий отпуск не суждено было сбыться. Денег, вырученных от продажи приличной трёхкомнатной квартиры в центре российского города-миллионника, хватило лишь на первый взнос в ипотеку за захудалую студию с одной спальней в далеко не самом фешенебельном районе Холона – города-спутника Тель-Авива и на десятилетнюю Мазду. Пособие для новых граждан – так называемая «корзина абсорбции» – уходила на пропитание и коммуналку. На ежемесячные ипотечные выплаты и прочие нужды денег не было.

Александр сам завёл разговор о необходимости кому-то идти работать. Тогда Анна предложила следующий вариант:

– Давай тогда так. Ты пока поработаешь, а я закончу ульпан[1]и курсы для риелторов, – в России последние несколько лет работала секретарём в агентстве недвижимости, в Израиле она решила двигаться дальше и заняться непосредственно продажами. – Потом я пойду работать,

а ты учить язык и подтверждать свой диплом. И параллельно писать. Ты же сможешь учиться и писать одновременно?

– Наверное.

Целый год он тяжело работал. Особенно вторые полгода, когда корзина уже кончилась. Недавнему врачу высшей категории пришлось пахать разнорабочим на заводе. Ни о каком писательстве речи быть не могло. Он страшно уставал на работе физически, но ещё страшнее морально. Его досуг скатился к пиву и сериалам.

Поначалу Невструев старался не унывать и оправдывал этот период жизни форсированным накоплением необычного и совершенно недоступного ранее для себя опыта. Что это за биография была у него до сих пор? Учился, потом работал по специальности. Скукота. То ли дело приобщиться к правде жизни через мозолистые рукопожатия с новыми интересными людьми. Однако люди, которых ему довелось повстречать на двух заводах, надежд не оправдали. Интересных персонажей Александр не нашёл. Один разве что. Пожилой воин-интернационалист, прошедший через Афганистан. Но такого человека и его истории он легко сам мог себе представить умозрительно. Остальные были просты и предсказуемы. И сама работа на заводе не стала для него откровением. Ничего особенно интересного он не узнал. То, что рабочих на капиталистических предприятиях за людей не считают и постоянно унижают, новостью для него не стало – это тоже можно было легко себе представить без практического личного участия. В итоге Александр, имя которого редуцировалось до Алекс, возненавидел всех. Пролетариев, которые позволяют на себе ездить и ничего большего на самом деле не заслуживают. Начальство разных уровней – людишек гнусных и подлых, которые, продав душу дьяволу, не иначе, вырвались из низов и всеми силами подтверждают утверждение о том, что самые жестокие надсмотрщики получаются из бывших рабов. Владельцев предприятий, которых все, и прежде всего они сами, почитают чуть ли не небожителями.

Анна подучила иврит, да так, что могла делать вид, что изъясняется на нём свободно. Филолог по образованию, она легко освоила немудрёную ивритскую грамматику и каждый день форсированно наращивала словарный запас. Курсы риелторов также окончила очень успешно, всё время обучения подавая надежды, и её взяли на стажировку в известное тель-авивское агентство недвижимости.

– Ну что, дорогой, теперь твоя очередь, – заявила Анна в один прекрасный день. – Увольняйся со своего завода и дуй в ульпан! А то за год только пару глаголов да названия инструментов на иврите выучил.

Они сидели за столиком в ресторане, куда отвела его жена, по случаю закрытия её первой сделки.

– Послушай… – Александр был очень серьёзен. – Ты помнишь, что я согласился сюда ехать, чтобы полгода спокойно писать, а потом ничего из этого не получилось?

– Я ценю твой подвиг, – она взяла его руку со стола и крепко сжала. – И очень тебе благодарна. Можешь прямо сегодня же получить с меня часть долга.

– Это обязательно, но сейчас не об этом. Как бы тебе это объяснить?.. – он поколебался немного. – Я не хочу учить иврит.

Анна ещё продолжала улыбаться по инерции, но брови у неё недоумённо поползли вверх.

– Но без языка ты не сможешь подтвердить свою врачебную квалификацию.

– А я не хочу её подтверждать.

– Ты шутишь? – её улыбка стала жалкой.

– Вовсе нет.

– А что же ты хочешь, Невструев?

– Я хочу пойти работать куда-нибудь в охрану. Чтобы сидеть на посту и писать книгу. Денег будет, конечно, меньше, чем на заводе, но пока ты не вышла на стабильный заработок, нам они не помешают.

– Ясно, – Анна снова расцвела, – ты беспокоишься, что моей зарплаты не хватит. Я понимаю твоё беспокойство. Но это ты зря. Я с этой сделки, кстати, восемь тысяч получу, плюс оклад, в итоге больше твоей зарплаты на заводе в этом месяце получится.

– Поздравляю, – он звякнул своим бокалом об её. Они выпили.

– Давай тогда так. Посмотрим пару месяцев, как у меня пойдёт. Поработай пока в охране. Если всё нормально будет, а я в этом практически уверена, пойдёшь язык учить. Я слышала, чтобы диплом врача тут подтвердить, иврит почти в совершенстве надо знать…

Он разгорячился и заговорил довольно громко:

– Не хватит мне пары месяцев. Да не хочу я знать иврит в совершенстве. Для работы охранника мне уже достаточно. И вообще, я русский писатель, зачем мне этот мёртвый язык?

– Тише, прошу тебя. Какая тебе разница: учиться или охранником работать? Днём учись, вечером пиши свою книгу.

– Я так не смогу, я себя знаю. На учёбу вся умственная энергия уходить будет.

– А работая охранником, значит, сможешь?

– Смогу.

Лицо у Анны стало такое, как будто она сейчас расплачется.

– Послушай, дай же мне написать только одну книгу, – страстно взмолился Александр. – Всего лишь одну. Если она не получится, клянусь, пойду квалификацию подтверждать и язык этот дурацкий учить!

– Тихо ты. Люди уже смотрят, – шикнула она. – Что значит «получится»? И что тогда, мы сразу разбогатеем? Ты же понимаешь, что так не бывает.

– Не знаю. Там видно будет.

Она подумала.

– Хорошо. Полгода. Идёт?

– Идёт!

Они снова чокнулись.

Работу охранника Александр нашёл без проблем; объектов, которые нужно охранять, в Израиле предостаточно, а вот людей, готовых это делать с каким-никаким риском для жизни и здоровья, тем более за минимальную зарплату – нет. С ним формально побеседовал некий русскоязычный промежуточный начальник охранной фирмы, очень маленький, худенький и юркий, пробил Невструева по полицейской базе, и уже на следующий день будущий писатель заступил на пост.

Пользоваться ноутбуком на работе было разрешено без ограничений. Имелась огромная стойка со столешницей, которая прятала охранника, сидящего в роскошном, хоть и потёртом, директорском кресле, по шею. Тут же находились небольшой холодильник, микроволновка и чайник. Еще под стойкой была тревожная кнопка, но, как объяснил начальник, она не работала.

– Так а как быть, если что случится? – удивился Александр.

– Просто позвони в полицию. Ни в какие разборки и драки не встревай. Ты охранник без оружия, это не в твоих полномочиях. Считай, неравнодушный наблюдатель.

– А если бы у меня было оружие, насколько больше я бы получал? – новичок покосился на кобуру на поясе начальника.

Тот отмахнулся.

– На пару шекелей в час, не больше. Особенной разницы в зарплате не почувствуешь. Совершенно другой статус, другая ответственность, другой риск. Поверь мне, тебе это не надо.

За смену нужно было три раза совершить обход огромного здания, но всего по двум этажам, занимало это минут пятнадцать. Вечером, параллельно с очередным обходом, закрыть на ключ три входа в ТЦ. И всё. Все обязанности. Казалось бы, кайфуй, пиши. Но не тут-то было.

В рабочее время постоянно мимо шастали люди. Постоянно здоровались, чего-то спрашивали – сосредоточиться было абсолютно невозможно. К тому же спрашивали в основном на иврите, и Александру стоило неимоверных усилий, чтобы достойно коммуницировать и подтверждать знание основ иврита, как это требовалось в условиях приёма на работу.

Писательский труд требует определённой концентрации, которой большинству, не умеющему сознательно отключать органы чувств, как это умеют делать просветлённые индийские йоги, достичь очень непросто. Отвлекает всё: телефонные звонки, уличный шум, даже капающая из неплотного закрытого крана вода, хотя дождь, например, совсем наоборот… Поэтому в идеале не иметь телефона, а иметь домик в лесной глуши у озера. Но это становится возможно уже потом, когда три-четыре книги становятся мировыми бестселлерами. Пока же этого не произошло, начинающему писателю приходится работать, что существенно, а иногда и навсегда отодвигает саму возможность прославиться и приобрести домик у озера. А пока суета, вопросы и проклятые приветствия от абсолютно незнакомых людей.

Кроме того, на работе было чрезвычайно скучно, настолько, что это отрицательно сказывалось на творческом потенциале. Александр никак не мог понять природу этой страшной скуки, почти тоски. Ведь дома он так не скучал, хотя и там главным источником его развлечений был ноутбук, как и на посту. Но дома не было скучно, а тут было… И точно так же не писалось, как и дома. Видимо, его угнетал сам факт, что за относительно смешные деньги он должен по двенадцать часов смены торчать в неуютном, проходном месте.

Несколько месяцев Невструев потратил на начало повести в юмористически-сатирическом тоне. Он очень долго вводил главного героя, рассказывал, беспрерывно шутя, его предысторию и так же, продолжая беспрерывно шутить, его настоящие будни. И был он охранником, и хотел стать писателем, как сам Александр. Потом писака понял, что получается какая-то автобиография, к тому же с абсолютным непонятным для него, как своя собственная, развитием. Устал шутить и бросил.

Как известно всем, даже начинающим, писателям: писать нужно либо о том, что очень хорошо знаешь, либо о том, что не знает никто. Поэтому он решил писать фантастику. Идея с межгалактическим кораблем, вылетевшим за пределы Вселенной, появилась за месяц до конца оговоренного с женой срока. Он уже прекрасно понимал, что ничего не успеет написать, но чтобы настолько… Дальше первой страницы дело не шло. Нет, он понакидал в текст ещё всяких умных мыслей, которые приходили к нему по мере попыток продвижения сюжета, но были они не связаны и в зачёт не шли.

Так что время шло, а Невструев ближе к своей мечте не становился. Он пришёл к выводу, что из-за отсутствия вдохновения, а как его, это самое вдохновение, разбередить, было неясно абсолютно.

[1] Ульпан – ивр. учебное заведение для изучения иврита.

Глава 3.

Он посмотрел на часы в углу экрана ноутбука, на них значилось 07:52 02/10/2023. Ровно полгода, как Александр заступил на пост в ТЦ «Панорама» с твёрдым намерением написать книгу. Анна, у которой была прекрасная память на даты, сегодня же обязательно напомнит ему об этом. К этому моменту она продала уже пять квартир, три последние сделки провела самостоятельно. В среднем зарабатывала в месяц в три раза больше, чем муж.

Его двенадцатичасовая смена заканчивалась через три минуты, странно, что до сих пор не подошёл сменщик. Он пошёл в туалет на втором этаже, рядом с залами для торжеств, самый приличный во всём здании. Умываясь и начищая зубы, наблюдал в зеркале своё, возможно, не самое красивое, но, как ему казалось, умное лицо с капризным ртом и проницательными карими глазами.

Когда вернулся на пост, сменщик – неопрятный и глумливый тип – разглядывал что-то в опрометчиво оставленном открытым ноутбуке Невструева и скалился.

– Манишмухель, Шурик! А ты, значит, писатель у нас? – увидев коллегу, он нисколько не смутился.

– Миша, сука, я ж просил так меня не называть! – Невструев отобрал у него ноутбук, захлопнул и засунул в рюкзак. – Александр, можно Алекс, можно Саша, но только не Шурик. Всё, бывай!

– Ага. Пост сдал, пост приня́л.

Придя домой, Александр принял душ и завалился спать. Ему ничего не мешало: ни звуки стройки за окном, ни постоянно взлетающие из Бен-Гуриона самолёты. Он проспал шесть часов и проснулся от того, что жена вставила ключ в замочную скважину.

За ужином, к которому она достала бутылку красного вина из бара, они поначалу мило беседовали. Наконец Анна отложила приборы, промокнула салфеткой рот и спросила:

– Ну что? Как твои писательские успехи?

– Если честно, то пока не очень, – пробормотал он.

– Сашенька, я всё понимаю, у тебя тяжёлый период: на пятом десятке ты пытаешься воплотить детскую мечту, и у тебя, пока, – она мягко надавила на слово «пока», – не получается. Но надо двигаться дальше. Я согласна быть спутницей начинающего писателя, который работает доктором, но не охранником. Через неделю стартуют занятия в ульпане, ты должен пойти записаться. Мы уже убедились, что, пока ты учишься, я смогу содержать семью.

– Что значит не получается? У меня уже начало получаться.

Анна усмехнулась.

– Если ты о единственной странице романа, которую месяц назад мне показывал, то такими темпами книжку ты допишешь лет через сто пятьдесят. Ты собираешься жить вечно?

– А какие ко мне претензии? Своё содержание я оплачиваю, – угрюмо заявил он.

Она не сразу нашлась.

– По-твоему, оплачивать своё содержание для мужчины достаточно? И конура мне эта надоела. Знаешь, как тяжело после того, как я всякие хоромы людям показываю, возвращаться сюда? Когда ты начнёшь работать за достойную зарплату, мы быстро сможем улучшить свои жилищные условия. Перепишем ипотеку на нормальную квартиру где-нибудь в Бат Яме или даже в самом Тель-Авиве. В новом доме. Со спальней и кабинетом, с видом на море, где ты сможешь писательствовать. Большим балконом. И ещё одной комнаткой… Ведь мы тогда сможем позволить себе ребёнка наконец, иначе будет совсем поздно…

– Знаешь, что самое замечательное в доме на побережье?

Анна нахмурилась оттого, что её перебили на таком важном месте. Он как будто не заметил этого и закончил шутку:

– Вы окружены мудаками только с трёх сторон.

– Сам придумал?

– Нет, это Джордж Карлин, американский стендапер.

– Жаль, я думала, ты начинаешь делать успехи как мастер слова.

Он пропустил мимо ушей этот укол.

– Давай так. Я напишу роман и пойду тогда в этот ваш проклятый ульпан.

Она вскочила из-за стола и отошла к окну. Помолчала.

– Ты только посмотри на этот вид из окна. Повеситься можно… Ты издеваешься надо мной? Так нечестно в конце концов… Мы же договорились. Ты же обещал.

– Мы договорились, но я не обещал.

Анна всхлипнула и убежала в ванну. Уже оттуда прокричала:

– Зачем я тебя послушалась? Когда мы прилетели и мне в МВД предлагали мамину девичью фамилию в паспорт записать, а ты оскорбился, что не твою. Как же, блядь, граф Невструев. Великий русский писатель. Хренов. Насколько сейчас было бы проще продавать квартиры с фамилией Коган!

Видимо, не верила, что ему удастся преуспеть на писательском поприще.

Прошло ещё несколько месяцев.

Александр забросил многострадальное космическое начало, а нового так и не придумал. Дедлайн, который повесила на него жена, душил и раздражал. Невструев создавал фантастические миры у себя в сознании, но они рассыпались и рушились, когда он пытался облечь их в слова. У него выходили странные начала историй с тщательно продуманными и выписанными персонажами, их он создавать научился, но сами сюжеты при этом были либо примитивны, либо неправдоподобны. Он всё ждал и надеялся, что у него когда-нибудь появятся такие действующие лица, которые потащат за собой историю. Оживут и станут, как этим любят хвастаться мастера слова, сами диктовать автору свои приключения. Но этого не происходило. Незаконченные истории, в которых Невструев разочаровывался, он переносил их в папку «Наброски» и начинал новые. Как-то раз он подсчитал, сколько всего текста у него уже в этой папке, вышло, что вполне хватило бы на целый роман. Осознание впустую потраченных усилий и времени приводило Александра в отчаяние, как он ни старался себя утешить тем, что так происходит процесс его становления как писателя.

Анна тем временем открыла отдельный счёт, купила себе телефон последней модели и модный малолитражный автомобиль. Брендовых вещей в её гардеробе становилось всё больше, всё больше по-настоящему дорогих аксессуаров и ювелирных украшений. Она стала пропадать на работе, приходила поздно, часто навеселе. Это у неё называлось «мы с коллегами отмечали сделку в ресторане».

Всё меньше они разговаривали, всё реже случалась у них близость.

Ему это всё не нравилось, конечно, но он не чувствовал за собой морального права предъявлять ей претензии. Пока наконец ни произошло событие, причинившее Невструеву множество неприятностей и страданий.

Анна явилась во втором часу ночи, очень пьяная. Не так, конечно, чтоб в коридоре обоссаться, как в забавных роликах, но шатало её изрядно.

– И где ты была? – спросил он, помогая ей разуться.

– Тебя это дейтв… дей-сительно волнует? – она покорно поменяла ногу.

– Почему нет? Конечно. Ты всё-таки моя жена.

– Отстань, – она оттолкнула его и направилась в спальню.

Александр последовал за ней. Она забралась на кровать как была, в платье, подмяла под себя подушку и закрыла глаза.

– Ты так и будешь спать? Одетая?

– Ну помоги мне тогда.

Он стал стаскивать через голову узкое платье. Анна хихикала, извивалась, пытаясь помочь, но вместо этого только мешала. Наконец он справился, и она упала на спину, но сразу же приняла явно завлекательную позу и промурлыкала, потягиваясь:

– Об'жаю, когда меня раздевают.

Внезапно он почувствовал возбуждение. К тому же секс в последний раз был у них уже очень давно. Довольно быстро он избавил её от чулок, лифчика и стрингов. От неё пахло почти выветрившимся парфюмом, немного сопревшим телом и ещё чем-то, то ли сигаретами, то ли дымом от костра.

– Что? Что ты хочешь? Не надо. Я же сплю, – шептала она, но при этом совсем не сопротивлялась.

При этом она тоже явно захотела его. Пьяная, стонала громче обычного. Очень быстро кончила в первый раз. Ему нравилась её необычная реакция. Он перевернул её на живот.

Любуясь упругой попкой, Александр разглядел прилипшие к ней пожухлые обрывки листьев. По инерции сделал ещё несколько фрикций…

– Ну нет! Не останавливайся, – потребовала Анна.

– Откуда у тебя на заднице листья?

– Какие ещё листья?

– Вот, – он поднёс один к её носу, она смешно скосила глаза.

– Я не знаю. Какая разница? – она перевернулась, села и натянула на себя одеяло.

– Как они там оказались?

– Что ты хочешь этим сказать? – её лицо стало жёстким.

– Я ничего не хочу сказать, я спрашиваю.

– Ты больной, что ли? Что я, по-твоему, по кустам с кем-то трахалась? – вдруг закричала она оскорблённо.

– А как ещё это объяснить?

– Отстань от меня по-хорошему!

Дальше всё развивалось как в бреду. Оба безобразно разорались. Александр попытался стащить с неё одеяло, она потянула его на себя, и, когда он резко отпустил, разбила рукой прикроватное бра.

Ревнивец опомнился.

– Пойдём, я тебя перевяжу.

– Оставь меня! – закричала она, напуганная видом крови.

Он взял её за руки и потянул из кровати, но она принялась визжать и брыкаться.

Александр отпустил её и отошёл.

– Всё! Стоп. Давай перестанем. Анна, прекрати! Ты же всё тут перепачкаешь.

Она угомонилась и дала отвести себя в ванну.

Когда они вернулись в спальню, она не только лицом, но и всем телом демонстрировала оскорблённую невинность.

– Послушай, – просил он. – Ну поставь себя на моё место. Ну что бы ты подумала?

– Отстань от меня, я тебе сказала!

– Что значит отстань? Где вы вообще были?

– Ну допустим, нам устроили на работе выезд на природу. На шашлыки. Или как их здесь называют шишли́ки, – она пьяно хохотнула.

– Так откуда эти листья?

Она подумала и вдруг совершенно отчётливо произнесла.

– Я всё равно собиралась тебе рассказать… У меня есть любовник.

– Кто он? – сразу поверил Александр.

– Наш директор, Лозо́н.

– Теперь понятно, откуда у тебя такие профессиональные успехи… – произнёс он первое, что пришло на ум. В этот момент он привычно для себя очутился в позиции наблюдателя.

– При чём здесь это? Я сама всего добилась! – возмутилась она поначалу, но потом признала: – Хотя ты прав отчасти. Он с самого начала оказывал мне знаки внимания, помогал, давал перспективных клиентов. Я ответила ему только месяц назад.

Он вышел из спальни и хлопнул дверью так, что отвалился кусок штукатурки.

Достал из бара початую бутылку коньяка. И в три глотка прямо из горлышка прикончил большую порцию напитка.

«Это же не со мной происходит, – твердил его внутренний голос. – Это сюжет для эротического триллера».

Такое бывает сплошь и рядом. Он уже слышал несколько историй, когда, казалось бы, любящие друг люди, переехав на постоянной основе в другую страну, расстаются в первый же год. Это, по сути, начало новой жизни, а новая жизнь начинается только в том случае, если признать всю предыдущую одной сплошной неудачей. Пока мужья проходят процесс адаптации на новой родине, их красивые жены находят кого-нибудь состоятельного из местных. Иногда даже из числа религиозных ортодоксов, или вообще арабов. А ведь он сознательно отказался от врачебной карьеры. В итоге получалось, что принёс в жертву искусству, не только её, но и семью.

На этот раз он налил в стакан и выпил, закусив лимоном.

Как было бы прекрасно, если бы Анна поддерживала его одержимость творчеством и морально, и материально, была бы его фанаткой и музой, а не циничным критиком полубогемного образа жизни. Но такие женщины даже не во всех сказках встречаются…

Надо отметить, что, поскольку половой акт ничем, во всяком случае для него не закончился, он пребывал в полувозбуждённом состоянии. Возникла идея пойти и изнасиловать эту профурсетку, а потом придушить. Или задушить в процессе…

Он выпил ещё и сам над собой посмеялся. Отелло хренов…

У него тоже бывали интрижки на работе. Он же не воспринимал их как повод для того, чтобы расстаться с женой. Как преступление. Но он делал это исключительно для развлечения, а не для того, чтобы устроить свою судьбу…

Попробуй ей это объясни. Нет, она никогда его не поймёт. Также, как и он её. Чтобы понять друг друга у людей должны быть схожий жизненный опыт, схожие знания, схожее воспитание. Чем больше люди похожи по этим параметрам, тем лучше они понимают друг друга. Они же с женой разные абсолютно во всём… Так какой смысл длить это никчёмное сосуществование?

Ревность – абсолютно животное чувство. В процессе эволюции более сильное, красивое и умное животное, для того чтобы оставить собственное потомство, наделённое такими же качествами как у него, опережает и устраняет менее успешных конкурентов, тем самым улучшая свой вид. Для человека разумного такое поведение – атавизм, хотя бы потому, что в человеческом обществе естественный отбор давно не работает – потомство с одинаковым успехом оставляют все: как обладатели замечательной генетики, так и люди с зашитыми на наследственном уровне проблемами. Как материалист и умеренный циник, Александр давно пришёл к выводу, что искать смысл жизни бесполезно, поскольку мыслительная деятельность – всего лишь побочный эффект эволюции. Так вот и ревновать тоже не мудро. Он почти физически ощущал боль оттого, что его самка с кем-то спаривалась.

Она хуже, чем враг. Враг никогда не заставит так страдать.

Любит ли он её?

Прислушался к себе.

Но вместо глубинного анализа чувств первый план его ощущений заняла боль. Где-то за грудиной в средостении саднило. Это было очень физическое ощущение. Странно, страда-

ния моральные, а ощущение физическое. Пытаясь найти какое-то определение этой боли, он вспомнил старинное название стенокардии – «грудная жаба». Жаба натурально душила, давила на сердце. Есть люди, которым кажется, что у которых в животе живёт змея. А у него вот в груди жаба. И если разобраться ничего ужасного в этом ощущении не было. Было просто противно. И, наверное, можно к этому привыкнуть, к этой жабе в груди и жить с ней постоянно… Но зачем?

Что поделать, с этим животным составляющим человеческого организма? Как от него избавиться?

Так писать о нём! Понял он, отхлебнув ещё конька. Тем самым анализировать и прорабатывать. Познавать себя, становиться мудрее и не страдать по пустякам. Противник психологии, которую считал чуть ли не псевдонаукой, Невструев всё-таки признавал положительное воздействие на психику проработки душевных травм. А лучший способ проработать ситуацию – это написать о ней. Как бы это ни было больно, как бы это ни было страшно, как сторонний наблюдатель описать и пережить эту гадость. Кроме того, неизбежная теперь сублимация обострит творческие способности. И вот тогда и получится такая книга, что все охренеют…

Он снова потянулся к бутылке.

Мысли стали скакать, как бешеные. Думать теперь хотелось о самоубийстве.

Сколько он видел этих трупов… Они такие беспомощные…

Какой вообще смысл жить, если всё равно умрёшь в тоскливом ужасе?

Какой смысл лечить людей, если они всё равно не выживут? Любой рак закончится смертью, любая шизофрения – деменцией. Врачи только растягивают как садисты эти муки.

Страдания по мере приближения к смерти только увеличиваются… Ничего. Ничего хорошего его уже не ждёт…

Тут в дверь позвонили. За ней обнаружились два полицейских офицера.

Глава 4.

Полицию вызвали соседи, разбуженные посреди ночи криками и звоном бьющегося стекла в квартире Невструевых.

Офицерам открыл явно нетрезвый хозяин и на требование позвать жену заявил, что она уже спит. Это сильно увеличило интерес стражей порядка к происходящему. Они вежливо, как вампиры, попросили разрешения войти. Александр хотел было потребовать подтверждения их полномочий, но, поскольку разговор происходил на иврите, передумал, ибо ему просто-напросто не хватило бы на это слов, и гостеприимно распахнул дверь. Получилось немного с грохотом.

Проникнув в квартиру, полицейские немедленно изъявили следующее

желание лицезреть всех, кто кроме Александра находится сейчас в квартире. Невструев понял, что его иврита явно недостаточно для объяснений с представителями власти и заговорил по-английски:

– Did you understand, what I sad? I just told you, that… Чёрт! There are only two of us: me and my wife. And she is sleeping now, and I would like to… как его? to connect her. Not connect… to join her.[1]

– Sir, we must check your wife. If you will try to prevent it, we can use physical power,[2]– на еще более примитивном английском, чем у Александра, но очень уверенно заявил старший, судя по количеству лычек на погонах, коп.

На шум из спальни вышла Анна и полюбопытствовала на чистом иврите, что здесь происходит. Полицейские немедленно заинтересовались её повязкой со свежими пятнами проступившей крови, причём настолько, что младший из них положил руку на кобуру и стал внимательно следить за каждым движением Невструева. Старший принялся расспрашивать Анну, которая показала, что конфликт с мужем действительно имел место быть, но теперь он разрешён. Полицейский слушал её недоверчиво и, судя по всему, не поверил, что травму она получила самостоятельно.

– Sir, you must go with us to police station,[3]– сделал он вывод.

– But, there is no reason for this![4]– возмутился Александр. – She just told you, that everything is OK.[5]

Старший вновь напомнил о том, что они обладают неким физическим потенциалом и полномочиями, младший снял с ремня наручники.

– Саша, давай я позвоню Лозону, он найдёт адвоката, – прошептала напуганная Анна.

После этих слов Александр картинно протянул обе руки полицейскому и произнёс высокопарно:

– OK. I am ready.[6]

На заднем сиденье служебной машины, закованный в наручники и отделённый от полицейских частой решёткой, он вдруг почувствовал себя неважно: в ушах шумело, болела и кружилась голова.

– Слиха́, эвша́р ма́им? – попросил он, то есть «извините, можно воды?»

– Ешь рак за́ин, – ответил младший коп, сидящий за рулём, что означало «есть только член».

Александр опешил от такого хамства, но решил сделать вид, что не понял и обратился к старшему. Стал объяснять, что чувствует себя нехорошо и что, будучи доктором, подозревает у себя предынфарктное состояние. Старший задал пару уточняющих вопросов, сказал что-то младшему, и тот с недовольной гримасой развернул машину на следующем светофоре.

Вскоре они приехали в больницу Вольфсон на границе Холона и Тель-Авива. В иных обстоятельствах Александру было бы максимально дискомфортно идти по приёмному отде-

лению в наручниках и в сопровождении двоих полицейских. Но сейчас ему было не до любопытных взглядов, которыми провожали его окружающие, он пребывал в состоянии, близком к шоковому – как умственно, так и физически.

Обнаружив в коридоре фонтанчик с питьевой водой, с жадностью напился из него.

Ждать, слава богу, долго не пришлось. Опасного преступника пропустили без очереди, отчего остальные ожидающие подняли гвалт.

Доктор оказался не евреем; на его бейджике значилась какая-то трудновоспроизводимая фамилия и имя – Мухаммед. Он измерил Невструеву давление, которое оказалось очень высоким, после чего направил на ЭКГ.

Ознакомившись с лентой кардиограммы, эскулап выдал неожиданно категорический вердикт, совершенно спокойно глядя прямо в глаза Невструеву:

– You will die soon.[7]

– You too,[8] – поразмыслив немного, отвечал озадаченный Александр.

– But not so soon as you,[9] – немедленно парировал Мухаммед.

Медсестра выдала Александру какую-то таблетку и, проигнорировав вопросы о её названии и назначении, быстро удалилась, всем видом демонстрируя неприязнь к нетрезвому русскому.

Сопровождающие повлекли его вон из храма здоровья.

А вот в полиции пришлось подождать. Александра заперли в клетку, и даже наручники не сняли. Следователь, который должен был провести допрос, этим ожиданием явно специально пытался нагнать на задержанного тоски и страху, ибо в участке никого кроме Невструева не было.

И надо сказать, это дешёвый приём удался.

Александр слышал, конечно, о том, что в Израиле домашнее насилие тяжело преследуется по закону. Некоторые женщины, которые хотели наказать своих благоверных или вообще избавиться от них, этим даже злоупотребляли – возводили поклёп, и судебная система безоговорочно вставала на «слабую» сторону и без каких-либо объективных доказательств состава преступления на долгие месяцы лишала свободы несчастных, некоторых даже в том случае, если они были физически слабее свих половин. Где гарантия, что, страстно возжелавшая перемен в судьбе, Анна не захочет на всякий случай подержать Александра взаперти и тем временем порешать свои бытовые и сердечные вопросы?

Ещё он думал о том, что ему сказал последователь великого мусульманского врачевателя Авиценны. Что ему нужно заняться проблемами с давлением? Или что-то ещё? Или он просто хотел по какой-то непонятной причине напугать его и без того напуганного и ещё больше испортить настроение?

Сиденья в клетке были конструкционно устроены так, что лежать на них без неудобства и боли было практически невозможно. Скованные руки саднили и ныли. К головной боли прибавилась тошнота. В конце концов Александр не выдержал и стал звать дежурного. Тот подошёл не сразу и спросил, смешно подчёркивая букву «Ч»:

– Что ти хочишь?

Невструев обрадовался и попытался объяснить на родном языке, что ему сейчас настолько нехорошо, что он может умереть в любой момент. Очень быстро выяснилось, что охранник по-русски знает только вот этот самый вопрос, ответ же на него воспринять абсолютно неспособен. Тогда Александр попробовал втолковать ему тоже самое по-английски. Тот сказал, что знает, что задержанного возили в больницу и там оказали всю необходимую в данных обстоятельствах помощь. И вообще, успокоил, что в тюрьме есть врач, который сможет оценить состояние заключённого. Александр воспринял это как злую шутку и потребовал снять с себя наручники. Дежурный ответил, что таких полномочий не имеет, и хотел уже удалиться. Тогда узник разразился гневной речью, в которой заявил, что не совершал ничего,

за что должен переносить такие страдания, и высказал свое горячее желание немедленно оказаться дома. И в самом конце поинтересовался, почему к нему применяются такие зверские, фашистские методы.

Полицейский, видимо, понял всё по-своему и акцентировал своё внимание на последнем заявлении. Он удалился ненадолго, а потом вернулся и отпер клетку. Александр обрадовался было, но увидел в его руках какое-то неприятное приспособление, оказавшееся оковами для ног.

– This for «fascist methods»[10], – пробормотал он и прибавил на иврите: – сумасшедший русский.

Александр с удивлением наблюдал, как теперь и его нижние конечности ограничивали в подвижности, и понял, что всё, видимо, гораздо хуже, чем он мог предположить.

Он даже не мог определить время, потому что, когда его забирали из квартиры, не подумал о том, чтобы взять с собой телефон. Но даже если бы взял, то в клетке средство связи наверняка бы отобрали… Осознав это, он поддался накатившему на него спасительному безразличию и какое-то неопределённое время провёл в полукоматозном состоянии, кое-как притулившись на неудобном сиденье.

Когда он наконец попал к следователю, Александру было уже всё равно. Алкоголь давно выветрился, остались лишь усталость, тошнота и головная боль.

Следователь на приличном английском предложил воды, сигарету и снять оковы. Александр согласился на всё кроме сигареты. С удовольствием выпил жидкости из кулера, растёр запястья и щиколотки.

Затем рассказал всё как было, без утайки, кроме изначальной причины ссоры с женой, полагая, что не стоит искажать действительность, тем более что ничего страшного он не совершил. И какого же было его удивление, когда следователь рассказал о том, как всё теперь будет.

Остаток ночи Невструев проведёт в камере в участке, а завтра его отвезут на выходные в тюрьму. Потому что сегодня четверг, а в пятницу и в субботу им никто заниматься не будет. В воскресенье проведут следственные действия, и только в понедельник в лучшем случае состоится суд, который и определит ближайшую судьбу дебошира.

Александр поинтересовался на каком основании происходит это вопиющее попирание его человеческих прав, ведь даже заявления от жены нет. На что следователь холодно возразил:

– It is not Russia, the call to police from your neighbors is enough.[11]

Потом его отвели в полуподвал, где оказалось что-то вроде КПЗ с несколькими камерами. У Невструева отобрали ремень и закрыли в камере, в которой стояли аж три пустые двухъярусные шконки с грязными матрасами и без подушек.

При камере оказался отдельный санузел, правда, без двери. В нём были железная раковина и фаянсовая дырка в полу, по бокам от которой возвышались два рифлёных постамента для ног – как в советском общественном туалете.

Засыпая, Александр надеялся, что, когда он проснётся завтра, у него уже не будет болеть голова. А ещё он подумал: «На самом деле круто. Я всю жизнь искал какого-то нового опыта, а тут на тебе, пожалуйста: и измена, и фашистские застенки, и тюрьма, и суд ещё будет… Вот посадят меня ни за что на полгодика, тогда точно книгу наконец напишу…»

Утром он действительно проснулся без головной боли и почти без следов похмелья. В зарешёченное окно светило октябрьское солнце, здесь, в Израиле, такое же яркое как в любой из летних месяцев.

Кроме него в камере оказались ещё два человека. Какой-то арс[12]и молодой араб с ободранной мордой и правой рукой в гипсе. Невструев пожелал им доброго утра, оба неохотно ответили и больше не проронили ни слова. «Что ж, наверное, так даже лучше», – решил Невструев.

Им принесли по сэндвичу с тунцом и по баночке чего-то среднего между творогом и сметаной. Когда Невструев спросил по-английски, нельзя ли запить чаем или кофе, полицейский лишь пожал плечами и кивнул на стопку пластиковых стаканчиков:

– Рак маим.[13]

А арс заметил:

– What a princess![14] – и рассмеялся.

Александр молча пошёл набирать воду из-под крана.

После завтрака часа три ничего не происходило.

Невструев грезил будущей книгой на своей шконке, периодически впадая в забытьё. «Как это прекрасно быть писателем, даже начинающим, – посещала его мысль. – Я как настоящий философ, даже лишённый свободы, могу путешествовать хоть в космосе».

Наконец заключенных подвое соединили наручниками и повели на улицу к автозаку. Невструеву в пару достался травмированный араб.

Внутри кузова машины были малюсенькие ячейки с парными металлическими сиденьями. Узкое окошко под потолком показывало только верхушки деревьев и крыши домов. Понять, где едет автомобиль, было почти невозможно.

Видимо заскучав, араб решил поболтать.

– Ата́ оэ́в водька? – задал он неожиданный вопрос.

Невструев лишь плечами пожал.

– Они́ оэв водька, – араб расплылся в блаженной улыбке и смачно причмокнул. – Водька. Ммм.

– Зе, – Александр указал на его гипс. – Водька?

– Кен, – обрадованно закивал араб и начал, обильно жестикулируя, рассказывать о том, как выпил водьки, как упал и катился почему-то по улице. Или Невструев что-то недопонял, он не стал уточнять.

Поняв, что разговор не клеится, араб потерял интерес к попутчику и стал отвратительным голосом напевать абсолютно немелодичную песню на арабском, или, обладая таким же отвратительным слухом, как и голосом, он безбожно перевирал её мотив. При этом ещё принялся в ритм хлопать себе по бедру здоровой, то есть пристёгнутой к Невструеву рукой.

– Маспи́к, – попросил Невструев.

Тот лишь улыбнулся и продолжил, как будто издеваясь.

– Маспик, ну! – потребовал Александр.

Араб продолжал игнорировать претензии.

Невструев пару минут потерпел. Запястье уже натёрло. Араб вроде закончил песню, но через небольшую паузу затянул её сначала.

Тут Александр не выдержал и саданул его локтем в рёбра. Араб ойкнул, посмотрел отсутствующим взглядом и заткнулся наконец.

«Он же психически ненормальный, – подумал бывший психиатр. – Зачем такого в тюрьму везут?»

[1] – Вы поняли, что я сказал? Я только что сказал вам, что… Чёрт! Здесь нас только двое: я и моя жена. И она спит сейчас, и я бы хотел присоединить её… как его? Не присоединить… присоединиться к ней.

[2] – Сэр, мы должны проверить вашу жену. Если вы будете препятствовать этому, мы можем использовать физическую силу.

[3] – Сэр, вы должны поехать с нами в полицейский участок.

[4] – Но для этого нет причин!

[5] – Она же сказала вам, что всё в порядке.

[6] – Хорошо. Я готов.

[7] – Ты скоро умрешь.

[8] – Ты тоже.

[9] – Но не так скоро, как ты.

[10] – Это за «фашистские методы».

[11] – Это тебе не Россия, звонка в полицию от соседей достаточно.

[12] Арс – хулиган, хам, быдло, как правило еврей-сифард. Происходит от марокканского слова буквально означающего «сутенёр».

[13] – Только вода.

[14] – Какая принцесса!

Глава 5.

Двор следственного изолятора Абу Кабир был пылен, тесен и навевал тоску. Подследственных высадили из автозака и загнали в большую клетку на улице, где сняли наконец наручники. Всего там набралось около двадцати в большинстве своём угрюмых типов.

Последними люди в оливковой форме солдат ЦАХАЛа привели двоих пленных с мешками на головах. Это было пугающе странно. «Наверное, террористы», – предположил Александр. В клетке мешки сняли, обнажив головы двух молодых арабов, почти мальчишек. Они сели прямо на землю и, в отличие от остальных, принялись болтать и веселиться. Наверняка напоказ. Это тоже было странно. Соседство с ними было неприятным. Однако терпеть его долго не пришлось – их увели внутрь тюрьмы первыми.

Потом стали уводить других. Как это принято в Израиле, все начали толпиться и пытаться прорваться вперёд, как будто там их ожидало нечто приятное. Александр же, как всегда в таких случаях, никуда не спешил. Кроме того, всё это время в полицейском участке он опасался обыска перед водворением в камеру. Он гадал: заставят ли раздеться и предоставить для досмотра задний проход. Александр пытался заранее относиться к этому как к медицинской процедуре, но у него никак не получалось… Он понимал, что сопротивляться, конечно же, бессмысленно, если у них здесь такие правила.

Досмотр оказался формальным, в задницу ему никто, слава богу, не полез. Тюремной полосатой робы ему также не предоставили, повели по коридорам как был: в футболке, джинсах и сандалиях.

Следующим пунктом был медосмотр. Пока русскоговорящий доктор или – кто он там, фельдшер? – мерил температуру и давление, Невструев рассказал о своём вчерашнем недомогании.

– Мне это всё малоинтересно, – отвечал неприятный старикашка с затхлым запахом изо рта. – Своему семейному врачу расскажешь, когда освободишься. В сопроводиловке вот написано: угрозы здоровью нет. Сейчас у тебя давление почти как у космонавта. А вчера выпил небось, вот оно и скакануло? Так?

Александр смутился и пожал плечами.

– Так ступай и позови следующего, – махнул на него рукой старикашка.

В камере оказались туалетно-зелёные стены, двухъярусные кровати и запах как в спортивной раздевалке с нотками восточных пряностей. С десяток арабов сидели кучкой и разговаривали. Одним из них оказался недавний попутчик. Он зло посмотрел на Невструева и начал быстро-быстро лопотать по-своему.

– Шало́м ле куля́м! – поприветствовал всех вновь прибывший. – Они Александр.

– Ас-саля́му але́йкум, – ответил за всех один из арабов, развалившийся в самой вальяжной позе, по-видимому старший. Он не представился и стал что-то выспрашивать у вновь прибывшего.

– Они лё медабе́р иври́т, – перебил его Александр. – Англи́т, бевекаша́.

– Лё англит, лё русит рак иврит вэ аравит, – ответил старший и встал со своего места.

Он подошёл к самой дальней кровати и похлопал по верхней её части.

– Ата́ по.

Александр поблагодарил и полез наверх. Это оказалось не так-то просто – вспомогательных лесенок не обнаружилось. В отличие от КПЗ в СИЗО были подушки. Хлипенькие, серые, как будто грязные, без наволочек, но всё-таки подушки. Он проложил руки между серой тканью и головой и растянулся с комфортом. «А что, жить можно», – подумал, но не тут-то было…

Старший вернулся к своим, и они продолжили общение. Очень активное. Пожалуй, даже слишком. Ранее, когда Невструев слышал арабскую речь, она казалась ему экзотической и

местами даже мелодичной. Теперь же это было сплошное, безостановочное «гыр-гыр-гыр», периодически прерываемое грубым смехом. Один замолкал, и его тут же подхватывал другой. Они даже умудрялись говорить одновременно вдвоём, а то и втроём. Причём происходило это исключительно на повышенных тонах, как будто участники полемики спорили, или ругались, или находились друг от друга очень далеко, а не на соседних койках. Александр попытался абстрагироваться, подумать о будущей книге, но это оказалось невозможно. Как если бы он находился в палате для буйнопомешанных.

Скоро это превратилось в пытку. Александру захотелось закричать, потребовать заткнуться. Вместо этого он спустился с полки и пошёл в туалет. За стеклянной стеной, завешанной простынями и полотенцами так, чтобы посетителя заведения не было видно, располагался самый обыкновенный унитаз, а не какое-нибудь очко и самый обычный душ. Это немного порадовало.

Когда Невструев вышел из санузла, его караулил старший. Очень возмущённо, на смеси английского, иврита, арабского языков и даже одного русского слова «биля́ть» он принялся объяснять, что в туалет ходить нельзя, когда в камере кто-то ест.

– Ми охе́ль? Они лё роэ́, – удивился Александр.

Араб указал на травмированного. У того в здоровой руке был очищенный мандарин.

– А… Слиха́, – извинился Александр.

Старший укоризненно покачал головой, зыркнул гневно и отошёл.

Невструев вернулся на свою полку, и пытка арабским продолжилась.

Они говорили и говорили, не оставляя тишине ни одной миллисекунды. Приходилось только удивляться скорости мышления этих людей, которым совсем не нужно было время на обдумывание очередной фразы. Мука усугублялась тем, что Александр не мог определить время, сколько он уже находится в этом кошмаре – полчаса, час или два.

Принесли обед. Он был ужасен: хлипкое пюре на воде и кусок рыбы в омерзительнейших специях. Арабы поглощали эту снедь с аппетитом и при этом умудрялись продолжать свою бесконечную дискуссию.

«Да не может же такого быть, чтоб над русским человеком так издевались… Ещё немного, и я их понимать начну, – отчаялся Александр. – Да и потом, шайтан их знает, арабов этих, зарежут ещё ночью во имя Аллаха за то, что мочился, когда они трапезничали. Или вообще опустят… «Водька» этот ещё наверняка на меня нажаловался. Прибил, дескать, калеку за песенку…»

Он подошёл к двери в виде решётки и стал звать надзирателя. Тут арабы наконец замолчали. Александр затылком ощущал, как они наблюдают за ним. К счастью, вертухай не заставил себя долго ждать. Он ещё и говорил по-английски.

Невструев произнёс прочувствованную речь, в которой посетовал на условия содержания арестантов в чужеродной культурной среде, и поинтересовался, не найдётся ли в этой тюрьме камеры с более близкими ему людьми по духу и воспитанию.

– You want to Russians? Why didn't you say it earlier?[1] – усмехнулся вертухай, отпёр камеру и повёл заключённого вон из арабского плена.

«Это они так пошутили, что ли?» – подумал Александр.

[1] – Ты хочешь к русским? Почему не сказал раньше?

Глава 6.

Смотрящий «русской» камеры бухарский еврей Гриша принял его радушно. Со снисходительной улыбкой выслушал невструевские истории о заточении и содержании в культурно чуждой среде.

– Ты здесь по недоразумению, брат, – резюмировал он с лёгким азиатским акцентом. – Если твоя жена на суде покажет, что сама порезалась, тебя сразу отпустят. Ну а если нет, на полгода присядешь минимум.

– Тебе ещё повезло, – заметил один из сокамерников с живым лицом и модной причёской. – Может быть, полицейские и жену твою, и тебя спасли. Я вот, например, от синьки совсем дурной делаюсь. Могу и зашибить кого ненароком. Потому и не пью. Почти.

На что бухарский без особой злобы поинтересовался:

– Да ты, Артист, никак за мусорóв впрягаешься?

Невструев на всякий случай заступился:

– Гриша, а ведь он прав, в натуре. Всякое могло быть.

Откуда только словечко это в лексиконе доктора взялось – «в натуре», да и вся эта интонация приблатнённая? Видимо, недаром фильмы смотрел да книги про места заключения разнообразные читал, въелись они в подкорку и лезли теперь в его активный словарь.

Смотрящий спорить не стал.

– Я тебе одно скажу: если бы ты был местный, они бы тебя не тронули и извинились бы ещё за причинённое беспокойство.

– Да конечно, а мало местных за домашнее насилие сидят? – усмехнулся Артист.

– Не мало, но должно бы гораздо больше, – урезонил его смотрящий.

Сам Гриша совершил проступок посерьёзней, чем домашнее насилие. В поисках денег на дозу тяжёлых наркотиков заприметил сувенирный магазинчик, в который продавец, когда выходил по нужде, не запирал дверь, а отсутствовал минимум минуты три. Гриша проник внутрь, дёрнул нормально денег из кассы, а когда выходил, навстречу ему попалась бабка, у которой на шее висела массивная золотая цепь. Он, будучи в преступном настроении, цепь ту тоже дёрнул и убежал. В общем скачок вышел фартовый, но Гриша не учёл, что магазинная камера оказалась-таки не муляжом. Приняли его тем же вечером. Тёпленького и поправленного забрали прямо из дома. Теперь он ждал суда, надеялся получить года три, звонил (ему было разрешено иметь телефон) своей девушке и просил дождаться.

За время, проведённое в СИЗО Гриша «перегнулся», хотя мог, по его словам, и за решёткой раздобыть кайф, и вообще встал на путь исправления.

Смотрящий был щедр. Когда приносили тюремную еду, доставал из своей тумбочки какие-нибудь консервы и делил на всех. Предлагал Невструеву свой телефон, чтобы позвонить жене, но тот отказался.

Тот самый «Артист», как его прозвал Гриша (Невструеву смотрящий, кстати, также не особенно креативно, чисто по профессиональной принадлежности, дал кличку «Доктор»), он же Аркадий, обладал удивительной историей попадания за решётку. Он ограбил банк. Такая разновидность криминального заработка сама по себе вызывает уважение, но в его случае особое удивление вызывал способ, который Артист придумал для грабежа. Профессиональный актёр, окончивший в России престижный театральный вуз, в Израиле не нашёл себе работы: русскоязычных вакансий для лицедеев в этой стране не так много и все они оказались заняты, а на иврите он говорил недостаточно хорошо, чтобы представлять на подмостках наравне с аборигенами. На завод он идти не хотел, так как обладал, как сам это полагал (и не без основания), редким актёрским даром. Когда закончилась его корзина абсорбции, а также накопле-

ния, привезённые с собой, Аркадий на последние деньги накупил пластического грима и спецэффектов и сделал себе маску вампира.

В строгом чёрном костюме и в этой маске он пришёл в небольшое банковское отделение, в котором не было охранника, выхватил из очереди в кассу эффектную блондинку и у всех на глазах длиннющими клыками прокусил ей шею. Хлынула кровь, блондинка без чувств рухнула на пол. Кровь, конечно же, была бутафорская, а блондинка подставная – тоже безработная актриса, с которой Аркадий познакомился на одном из кастингов. Отыграли они эту сцену идеально: публика находилась под впечатлением, кое-кто даже упал в обморок. У одного из зрителей оказался пистолет, что не редкость на Святой Земле, и он навёл его на монстра. На что вампир заявил, что если пули не серебряные, то обладатель оружия жестоко пожалеет о том, что тот родился на свет. Произнесено это было на иврите со славянским акцентом, но так убедительно, что «герой» положил свой бесполезный пистолет на пол. Кассирша выдала наличность без колебаний. Однако подельница заигралась в мёртвую и упустила момент, когда под шумок можно было улизнуть с места преступления, её задержали доброхоты, которые попытались оказать ей первую помощь и обнаружили, что шея у неё абсолютно целая, а «кровь» пахнет какой-то химией. На допросе в полиции она сдала своего недавнего знакомого с потрохами, и того взяли в ресторане, в котором он ожидал её, чтобы отпраздновать и поделиться добычей.

На втором этаже тюрьмы для выгула заключённых использовался балкон, который, как специально, выходил на тот самый ТЦ «Панорама», в котором Невструев совсем недавно работал. «Я охранял, теперь меня охраняют, – усмехнулся про себя Александр. – Воистину пути господни неисповедимы. А ещё от тюрьмы и от сумы не зарекайся… Как это всё-таки забавно и странно насколько непредсказуема человеческая судьба подчас. Работаешь такой фрезеровщиком, например, весь такой властелин металла, а тут, херак! и палец в станок затянуло. И ничего не предвещало беды, и вроде бы трезвый. Ещё секунду назад палец был на месте, а теперь его как через мясорубку провернуло и восстановлению он не подлежит. Обидно… Или ещё хуже. Вот идёшь ты здоровый и бодрый по улице, и мир тебе улыбается… а тут раз! и самосвал тебя переехал. Насмерть. Тем более обидно. А, впрочем, всё это уже было: про пролитое масло и про трамвай – ничего нового уже не придумать. И вывод какой из этого всего непонятно… Никогда не разговаривайте с незнакомцами?»

Смотрящий любил поразглагольствовать о тюремных порядках и воровских законах. Как-то Александр спросил у него:

– А ты как думаешь, Гриша? Воры в законе булки себе раздвигают на досмотре, когда в какой-нибудь централ заезжают?

– Ну тогда сразу в петушарню, минуя пики точёные, – предположил Артист.

– Одного грузинского вора́ переодеться в тюремное заставляли. Он отказался, так его до смерти вертухаи забили, – проникновенно поведал Гриша.

За подобными разговорами и попытками подольше не просыпаться прошёл остаток пятницы и вся суббота. Александр пытался представить, как в худшем случае проведёт месяцы в подобных условиях. Тоскливо, конечно, но ничего смертельного. Понял, что это можно пережить и остаток жизни посвятить тому, чтобы больше так не попадаться.

В воскресенье с утра Гришу увезли в суд. Он вернулся ближе к вечеру грустный. Лёг лицом к стене и часа три не отвечал на вопросы. Потом выяснилось, что, вопреки его ожиданиям и заверениям бесплатного адвоката, дали ему семь с половиной лет. У бабки, с которой он сдёрнул цепочку, оказались повреждены шейные позвонки. Он позвонил девушке и сказал, чтоб она его не ждала.

Невструева ни на какие следственные действия не возили, весь день он терзался муками неизвестности.

– Значит ничего такого на тебя нет, – утешил его Артист. —Жену твою, наверное, сегодня опрашивают. А завтра тебя в суд повезут. Слушай, я-то точно отсюда долго не выйду. Может, тебе пригодится, чем чёрт не шутит?

И рассказал, что незадолго до того, как сесть, напал в соцсетях на объявление некой конторы под названием Another you, в котором говорилось о развитии творческих способностей с помощью какого-то гипносна. Туда в качестве подопытных нужны добровольцы. Он не особенно вник в суть технологии, но, будучи человеком открытым ко всяческим экспериментам, особенно в творческой сфере, позвонил по телефону, указанному в объявлении и записался на собеседование.

– Как раз завтра в пять вечера. Вот адрес, – он передал Александру бумажку. – Думаю, ты после суда успеешь. Сходи, скажи, что вместо меня пришёл, даст бог, это поможет в твоих исканиях.

Накануне вечером в порыве откровенности Александр рассказал сокамерникам о своих потугах стать писателем.

Глава 7.

В понедельник с утра за Невструевым и ещё двумя из камеры пришли, чтобы везти в суд. Он как раз успел проделать гигиенические процедуры с помощью куска мыла и зубной щётки с наполовину обрезанным черенком, которые ему выдали вместе с простынёй и наволочкой вечером первого дня в тюрьме. Носильных вещей тут не предоставляли. Можно было через полицейских передать просьбу жене, чтобы она привезла смену белья, но Александр не хотел ни о чём просить Анну. Он постирал с помощью того же мыла трусы и футболку, а пока они сохли, ходил завернувшись в простыню.

На всякий случай он простился со всеми, особенно душевно с Артистом и Гришей.

В суд их повезли, заковав и в наручники, и в кандалы для ног. Нижние конечности освободили перед сортировочной камерой, а верхние – через специальное окошечко в двери, когда завели внутрь.

Камер было много по обеим сторонам коридора, и народу в них натолкали изрядно. На скамейках, прибитых к стенам, не всем хватало места. Некоторые сидели прямо на полу. Атмосфера была тяжёлая, давящая и запах стоял такой же. За бетонным ограждением высотой по рёбра тут же находились толчок и раковина.

Примерно через час Невструева вызвали и повели не на суд, а к бесплатному адвокату.

Адвокат, щуплый и юркий, предложил быть с ним абсолютно откровенным и рассказать всё как было. Александр ответил, что ему нечего добавить к показаниям, которые он давал следователю.

– Что ж, тогда всё зависит только от слов вашей жены.

– И что мне грозит, если она покажет против меня?

– От полугода до двух лет тюрьмы, – безразлично констатировал адвокат.

– А вы с ней не говорили?

– Не получилось, – и было непонятно: то ли это адвокат настолько халатно относится к своим обязанностям, то ли сама Анна не пожелала идти с ним на контакт.

Эта беседа только добавила Александру волнений. Его отвели обратно в отстойник, и началось томительное ожидание.

Наручников здесь не надевали, но мерзавец конвоир, застёгивая наножники, специально поддёрнул джинсы Александра вверх – в тюрьме так не делали, наоборот, заботливо поправляли штанины, чтобы металл не соприкасался с кожей, – и, пока его водили по длинным коридорам суда, он до крови стёр щиколотки.

Ждать пришлось долго. Часа три.

Чтобы скоротать время, народ разбивался на пары для негромких разговоров. Звучало здесь по самым скромным подсчётам языков пять: иврит, арабский, эфиопский, английский и даже французский. Для Невструева русскоязычного собеседника, как назло, не нашлось.

Когда принесли какие-то дрянные сэндвичи, замотанные в целлофановую плёнку, парнишка лет тридцати в кипе, которому тоже не нашлось собеседника, передавая свёрток Александру, сказал по-русски:

– Держи.

Это было неожиданно, он совсем не походил на русскоязычного. Они разговорились. Артикулировал парнишка картаво, с сильным израильским акцентом, но вполне внятно. Нимало не смущаясь, рассказал, что ждёт приговора за то, что вёл сайты для видеочат-моделей.

– А как это сочетается с твоей религией? – Александр указал глазами на его кипу.

– Ничего плохого, с точки зрения бога, я не делаю. Когда есть только два плохих выбора, господь учит нас выбирать-таки тот, который лучше. Я увожу девочек с улиц и из махóнов[1].

Им больше не нужно контактировать с клиентами физически, а зарабатывают они при этом больше. Что плохого я делаю?

Невструеву оставалось только пожать плечами.

– Ну вот. А теперь попробуй объяснить это судье… – задумчиво произнёс парнишка. Ему грозил серьёзный срок, но относился он к этому спокойно, по-философски.

Они разговорились. Сетевой сутенёр высказывал оригинальные соображения по самым разным жизненным аспектам, при этом с интересом и пониманием выслушивал мнение Александра. Пожалуй, интереснее собеседника Невструев в жизни не встречал. Он предложил обменяться контактами.

– Зачем? – удивился парнишка.

– Мне кажется, людям со схожим образом мысли надо объединяться.

– Сейчас не нужно объединяться, не нужно искать единомышленников. Благодаря развитию информационных технологий любых целей можно достичь самостоятельно.

– Так а зачем же тогда Интернет? Разве это не самый замечательный способ для того, чтобы создать коллективный разум? Время одиночек прошло…

– Наоборот! Оно только пришло. Ну что ж, мы встретились здесь, – бог даст, встретимся ещё раз.

За парнишкой пришли раньше, они пожелали друг другу успеха.

Когда в отстойнике уже почти никого не осталось, наконец пришла очередь Александра. Тот же садист облачил его в ножные кандалы и снова поддёрнул штанины вверх.

– Ля́ма ата́ осэ́ ка́ха? – спросил Александр.

Тот лишь улыбнулся гнусно и приказал:

– Лех леха́!

На скамье подсудимых находилось одновременно человек восемь. Их дела разбирались по очереди. Всё происходило, естественно, на иврите, и Александр на таком уровне не понимал ничего, даже общей сути дел. Сначала, видимо, выступал прокурор, потом адвокат. Потом из полного зала выходили свидетели. Судья что-то уточнял у всех, потом коротко совещался с двумя коллегами, сидящими по сторонам от него, и выносил вердикт. На одного подсудимого уходило максимум минут пятнадцать.

Судья был очень сердит и как будто изначально ненавидел всех, чью судьбу должен был решать. Приговоры произносил с одинаковой интонацией, и было непонятно, обвинительные они или оправдательные.

Александр заметил в зале суда Анну. Она сидела с отсутствующим выражением лица и даже не глядела в его сторону. Помахать рукой он не решился.

По мере того как людей перед Невструевым становилось меньше, его волнение нарастало. Он дошёл до такого уровня стресса, что ему было уже всё равно, чем закончится разбирательство, лишь бы побыстрее.

Наконец судья назвал его имя. Рядом с невысоким ограждением появился адвокат и сделал Невструеву знак подняться. Через некоторое время показал, что можно опять садиться. Александру казалось, что дело его разбирается дольше всех предыдущих. Выступал прокурор, потом адвокат, потом Анна. Потом судья говорил что-то, угрюмо глядя на Невструева. Адвокат перевёл вопросы. Их было два: причинял ли Александр физический вред Анне и не угрожал ли её жизни и здоровью. На оба он ответил отрицательно.

Коллегия совещалась безумно долго. Зачем-то в процессе обсуждения несколько раз обращались к адвокату, тот явно спорил с ними. Александр решил, что обсуждается длительность его срока и уже смирился со злой судьбой. Он был раздавлен. А как могло быть иначе? Если уж всё плохо, так до конца… Адвокат что-то сказал ему, но Александр не понимал уже даже по-русски, слова доносились как будто сквозь вату. Тогда адвокат перегнулся через ограждение, похлопал по плечу и практически прокричал.

– Александр, вас оправдали! Идите, вас освободят из-под стражи.

[1] Махон бриют – ивр. дословно «институт здоровья», обиходное название для публичных домов.

Глава 8.

Анна встречала его на выходе из суда. Прождала его почти полтора часа – из-под стражи Невструева освобождали очень долго. Вид у неё был не то чтобы виноватый, скорее смущённый. Он сделал неловкое движение в её сторону, не зная, как поступить… в итоге решил ограничиться холодным:

– Привет.

Оно улыбнулась и заговорила преувеличенно весело:

– Привет! Что там говорят в таких случаях? На свободу с чистой совестью?

– Вряд ли так говорят. Но всё равно спасибо.

Они помолчали.

– Ты догадалась взять мой телефон?

Она достала из сумочки его телефон и бумажник. Он сразу почувствовал себя увереннее. Оказалось, что всего полчетвёртого и до собеседования в Another you ещё полтора часа.

– Ты, наверное, есть хочешь? – предположила Анна.

Александр невольно улыбнулся – это проявление заботы была приятно. Он решил было отказаться, но не смог; очень захотелось человеческой пищи.

– Было бы неплохо…

– Может быть, суши?

– Вообще шикарно! Мне надо ещё ремень купить. Штаны сваливаются.

Когда отпускали на волю, Невструев спросил про ремень, на что ему ответили, что искать изъятые вещи нужно по месту изъятия, то есть в КПЗ полицейского участка, писать какое-то заявление, ехать туда… Короче, пропал хороший, добротный ремень, идеально подходящий по цвету к сандалиям. Суки.

Они пошли к мини-куперу Анны.

В ресторане Александр наслаждался от души. В жизни ему ещё никогда так вкусно не было. Кувшинчик саке, выпитый за свободу, растёкся волной блаженства по телу. В один из моментов он вдруг испытал прилив тёплых чувств к Анне. Она была мила, привела накормить, всем видом выражала сочувствие, хотя оба и избегали смотреть друг другу в глаза… Но потом вспомнил всё и сразу остыл.

– Послушай. Это я виновата, напилась, раскричалась, порезалась… – начала она тоном, который предполагал в дальнейшем слёзы.

Тут он обратил внимание, что повязки на руке Анны уже не было, лишь небольшой телесного оттенка пластырь.

– Но-но-но, перестань! Сейчас ещё извиняться начнёшь… Оба виноваты. И потом, я приобрёл полезнейший жизненный опыт, который непременно пригодится при написании какой-нибудь книги.

– Это было очень ужасно, Саша?

– Да ну, Ань. Фигня. Не тюрьма – так, пионерлагерь. Чай не в России, – расхорохорился Александр. – Но я всё равно, как это говорится, больше не сяду. Ну его. Одноразовый прикол. А как ты? Какие планы?

Она опустила глаза.

– Ты доешь сначала, потом поговорим.

Он отложил палочки.

– Я сыт. Слушаю тебя.

– Адвокат готовит сейчас бумаги для бракоразводного процесса…

Александр был готов к подобным разговорам, но в груди опять зашевелилась жаба.

– Не надо только лишних деталей. Ты знаешь, как я не люблю всю эту бухгалтерию. Я всё подпишу…

– Да ты послушай! Я рассказала Лозону о твоих мечтах стать литератором, он и предложил такой выход… – и Анна рассказала, как они разберутся со взятой в ипотеку квартирой.

Александр уходит из квартиры, а она живёт в ней и отдаёт банку ежемесячные платежи и за себя, и за него. Тем временем Анна продаёт квартиру, возвращает деньги банку и забирает вложенные на тот момент деньги за вычетом страховки и оплаты банковских услуг. Александр получает причитающуюся ему половину от первоначального взноса и идёт на все четыре стороны.

– Понятно, – произнёс Александр, с интересом разглядывая Анну. – В итоге я становлюсь бомжом.

– Брось, в Израиле тридцать процентов населения жильё снимают, – её лицо стало белым, губы сжаты, глаза прищурены. – Ничего страшного. Напишешь свою великую книгу, прославишься, разбогатеешь, купишь себе виллу в Кесарии.

Александр подумал немного.

– Почему я должен уходить? Лучше я буду и дальше отдавать свою половину ежемесячных платежей по кредиту, и жить там. Потом, когда продашь, возврат поделим, и все дела. Пока живи у своего Лозона.

Анна ещё сильнее побледнела, он знал, что это означало – она очень разозлилась, и процедила медленно:

– Я не могу уйти жить к Лозону. У него семья.

Невструев усмехнулся невольно. Он-то думал, она замуж выходит, а оказывается, как шлюха, за какие-то рабочие преференции и подарки… Однако высказывать этого не стал.

– Вот как…Ну так оставайся. Я не против. Буду в салоне жить, а ты в спальне. Если хочешь – наоборот…

– Да не хочу я с тобой жить!

– Я тоже не хочу, успокойся. Потерпим немного.

– Не хочу я ничего терпеть!

– В чём дело? Лозон хочет сэкономить на гостиницах и навещать тебя дома?

Она промолчала, подтверждая его правоту.

– Это как в плохом анекдоте каком-то… Зачем тебе этот старик?

– Не такой уж он старик, всего на шесть лет старше тебя.

– Ты его хоть любишь?

– Не знаю. Он делает для меня такие вещи, которых никто никогда не делал. Для меня, как для женщины, это очень приятно, – вдруг Анна заглянула Александру прямо в глаза, и лицо её смягчилось и порозовело. – Но, если ты снова станешь доктором, я останусь с тобой.

– Ты себя вообще слышишь? – опешил он. – Ты мужика себе выбираешь или его профессию?

Он опять захотел высказать ей всё, что он думает об уровне её социальной ответственности. О том, что, вопреки брачной клятве, она была с ним только в радости. Радовалась, когда он достигал чего-то. Когда получил высшую категорию или когда стал завотделением. В горе же она очень быстро нашла себе Лозона. Опять же для радости… Александр удержался и сильно смягчил своё высказывание.

– Знаешь. Я ведь изменял тебе пару-тройку раз. Медицина – очень эротичная профессия. Не даром едва ли не самый распространённый костюм для ролевых игр – медсестра, а сюжет – игра в доктора. Когда кругом кровь, боль и смерть, все инстинкты обостряются, удержаться сложно. Но я делал это для развлечения, а не для того, чтобы разрешение по службе получить.

Лицо Анны скривилось, как будто она собиралась заплакать, но с трудом удержалась и тихо, но твёрдо произнесла:

– Ты просто не любил меня никогда.

– Ну почему же? Любил. Как раз сейчас понял, что разлюбил. Иначе простил бы тебе этого старого еврея, наверное… и всё сделал бы для того, чтоб ты осталась со мной.

Её глаза влажно заблестели, тогда он пожалел её и произнёс тираду, которая, как ему в тот момент показалось, должна была прозвучать ободряюще:

– А знаешь, вообще, что такое любовь с точки зрения психиатрии? Это понятие никак не укладывается в пределах нормы. Если страсть до определённой степени – это ещё нормально, то любовь – это патология, атавизм. Романтизированное первобытное собственничество.

Анна снова побледнела, поднялась со своего стула и прошипела:

– Не хочешь сам выметаться из квартиры, тогда тебе полицейские помогут. Я закричу, и на этот раз тебя посадят и надолго, сволочь. Чтобы на следующей неделе тебя в квартире не было!

Ча

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.